

Лингуан спешно прервал своё путешествие и вернулся на Главную планету. С тех пор он безвылазно сидел в доме, не показывая носа наружу.

На улице кружила зимняя метель. Старательный ИИ-дворецкий то и дело вычищал двор дочиста, но к следующему утру землю снова засыпало плотным белым покрывалом. Металлическому слуге оставалось лишь без устали скрести лопатой, оглашая окрестности монотонным скрипом.

Силуэт робота то и дело мелькал в оконном стекле на втором этаже. Лингуан сидел прямо на алтарном столе. Сонно приподняв занавеску, он вяло глянул на заснеженный двор — пронизывающий холод за окном нагонял дремоту.

Вдруг за спиной раздался тихий скрип двери. Лингуан вздрогнул. Повернувшись, он увидел вошедшего с улицы Е Линя.

Тот без тени стеснения подошёл почти вплотную и, проследив за его взглядом, тихо прошептал на самое ухо:

— На что смотришь?

Лингуан попытался незаметно отстраниться. Ухватившись за подоконник, он слегка отклонился назад, пока его ладонь не наткнулась на твёрдый деревянный брусок. Лингуан тут же прижал его к груди, как щит.

Из курильницы неподалёку струился тонкий дымок благовоний призыва душ. В этой сизой, полупрозрачной дымке пальцы божества бережно огладили поминальную табличку, на которой священным письмом были вырезаны несколько знаков. Е Линь не умел читать на языке богов, но догадывался, что надпись означает что-то вроде «любимому супругу».

Оказавшись лицом к лицу с поминальной табличкой покойного соперника, Е Линь выпрямился и достал из-за пазухи тёплый свёрток.

— Держи, — он протянул Лингуану запечённый батат.

От клубня шёл густой пар. Под обугленной тёмной кожицей виднелась нежная золотистая мякоть, сочащаяся сладким соком.

И где только он его раздобыл? Наверняка кто-то угостил по дороге. Природный вилловый район, созданный для высокопоставленных гостей из расы Яо, находился вдали от шумных мегаполисов. Здесь ценили первозданную тишину, так что даже обычные торговые автоматы встречались раз в сто лет. С первыми снегопадами большинство съехавшихся на осеннее собрание старейшин покинули Главную планету. В посёлке почти никого не осталось, кроме Лингуана. Впрочем, те немногие соседи, что ещё задерживались в вилловом районе, почему-то

отлично ладили с Е Линем.

Лингуан не спешил принимать угощение. словно напуганный кот, он инстинктивно вжался в стену. Если бы Е Линь вовремя не отступил, божество, пожалуй, взлетело бы под самый потолок.

Но гость лишь привычно усмехнулся и положил исходящий паром батат рядом с ним, после чего без лишних церемоний устроился прямо на алтаре. Огромный деревянный стол, украшенный замысловатой резьбой, выглядел древним — его изготовили несколько тысяч лет назад. Вблизи от него исходил едва уловимый, благородный аромат дорогой древесины. Алтарь был настолько просторным, что Лингуан и Е Линь, сидя по разные стороны, совершенно не теснили друг друга.

Е Линь постучал согнутым пальцем по столешнице и ровным голосом произнёс:

— Отложи ты нашего братца.

— Нашего братца? — опешил Лингуан, округлив глаза от изумления.

Е Линь даже бровью не повёл:

— Говорят, в таких случаях лучше называть его братом. Или, может, сестрицей?

— Сестрицей?! — Лингуан окончательно потерял дар речи от подобной нелепицы.

Невозмутимость этого парня просто выбивала из колеи. Лингуан растерянно посмотрел на пустующее пространство стола, а затем перевёл взгляд на зажатую в руках табличку.

«Или мне кажется, или этот наглец пытается наставить рога моему покойному супругу прямо у него же на глазах?»

— Почему ты... так спокоен? — наконец выдавил Лингуан, окончательно запутавшись в логике собеседника.

Любой нормальный человек на его месте, скованный рамками приличий и ревностью, извёлся бы от подобных откровений. Но Е Линь не отличался заурядным мышлением. Его нисколько не заботили условности. Зачем терзаться из-за призрака прошлого, который якобы вечно будет занимать сердце его возлюбленного? Е Линь, чьи представления о любви были ещё очень смутными и незрелыми, мыслил проще: главное, что этот упрямый феникс сейчас находится рядом с ним.

Лингуан машинально откусил кусочек батата. Нежная, рассыпчатая мякоть буквально таяла

на языке, оставляя приторно-сладкое послевкусие. Это было невероятно вкусно.

Удивлённый таким ярким вкусом, Лингуан принялся уплетать угощение, которое было едва ли не больше его собственного лица. Клубень обжигал ладони, окрашивая кончики пальцев в нежно-розовый цвет, в то время как костяшки всё ещё оставались бледными от зимней стужи. Сам бог плохо улавливал перепады температур: он просто увлечённо ел, пока его губы не заблестели от сладкого сиропа.

Вдруг Е Линь накрыл его ладони своими, полностью спрятав их в тёплых объятиях крепких рук. Резкий контраст температур заставил Лингуана вздрогнуть.

Взгляд его испуганно метнулся из стороны в сторону. Он порывисто попытался отпрянуть, но позади была глухая стена. Бежать оказалось некуда. В защитном жесте он подтянул колени к груди, пытаясь отгородиться от нависшего над ним мужчины.

Лингуан проснулся совсем недавно. В комнате было тепло, поэтому из одежды на нём был лишь просторный спальный свитер. Когда он поджал ноги, подол задрался, полностью обнажив бёдра. И только замёрзшие руки, до этого лежавшие на холодном подоконнике, выдавали то, как сильно он успел остыть.

Взгляд Е Линя невольно скользнул вниз.

Поняв, что совершил оплошность, Лингуан поспешно попытался натянуть свитер пониже, чтобы прикрыться.

Но Е Линь лишь посерьёзnel. Перехватив его за тонкую лодыжку, он властно потянул ногу к себе. Лингуан потерял равновесие и едва не соскользнул со стола — ему пришлось вцепиться в раму окна, чтобы не упасть.

— Ч-что ты творишь?! — испуганно вскрикнул он, растеряв всю свою спесь.

Осознав, как жалко прозвучал его голос, Лингуан попытался напустить на себя грозный вид и яростно брыкнулся, сиюсь вырваться.

Однако Е Линь легко пресёк его сопротивление одной рукой. Другой рукой он распахнул свою тяжёлую куртку, укутывая замёрзшие ноги Лингуана её тёплой подкладкой.

Затем он достал откуда-то пару длинных гольфов — белоснежных, мягких и приятных на ощупь. С виду они казались слишком тонкими, чтобы согреть в такой мороз.

Удерживая брыкающегося бога за лодыжку, Е Линь аккуратно натянул первый гольф. Непривычная ткань плотно обхватила нежную кожу, медленно поднимаясь выше. Белизна трикотажа заметно отличалась от естественной бледности кожи Лингуана. На стыке мягкая

ткань слегка перетягивала бедро, очерчивая соблазнительный рельеф, что невольно приковывало к себе взгляд.

Шершавые пальцы Е Линя скользнули под упругую резинку гольфа, расправляя ткань. Лингуану показалось, что трикотаж слишком сильно сдавливает бёдра. Он закусил губу; его хрупкое тело, удерживаемое лишь силой рук на оконной раме, мелко дрожало. Пряди алых волос рассыпались по плечам, щекоча шею и спину, отчего по коже побежали мурашки.

Е Линь провёл пальцами по кругу под резинкой, проверяя, ровно ли сидит ткань, и только после этого отпустил его.

Лингуан тут же подобрал под себя ноги. Места, которых касались чужие пальцы, горели огнём, прогоняя остатки зимней стужи. Это внезапное тепло заставило его сердце забиться в тревожном ритме.

Впрочем, согревшись, Лингуан со временем понял: он злился вовсе не из-за грубости. Эти странные тонкие гольфы действительно грели, да ещё как!

«Должно быть, в этом и заключается пресловутая человеческая смекалка», — подумал он.

Подобных мелочей, которые можно было назвать искренней заботой, со временем набралось великое множество.

Если Лингуану не спалось по ночам, Е Линь выходил во двор и, задрав голову к окну второго этажа, спрашивал, не хочется ли ему чего-нибудь перекусить. А после, несмотря на ледяной ветер, послушно отправлялся за тридевять земель и возвращался с горячими деликатесами.

Когда Лингуан проигрывал в сетевых битвах Бай Чанфэну и они без умолку язвили в адрес друг друга, Е Линь молча брал реванш в игре, а заодно заваливал аккаунт Лингуана редкими скинами и снаряжением.

Стоило Лингуану вскользь посетовать, что «выпавший снег тает слишком быстро и не держится до утра», как Е Линь с полуночи караулил во дворе робота-пылесоса, не позволяя бедному механизму расчищать дорожки.

Е Линь...

Е Линь...

Лингуан шарахался от него как от чумы, но Е Линь не думал обижаться, отвечая на колкости поразительным терпением. Он обустроивал их быт так, словно они уже сто лет жили вместе. Каждый день он послушно вставал рядом, чтобы зажечь благовония перед табличкой «братца-покойника», притаскивал с улицы самые немыслимые подношения и даже как-то раз

попытался протереть алтарный брусок до блеска — да так усердно, что содрал с дерева защитный слой лака.

От этого у Лингуана мороз шёл по коже. Ему всерьёз казалось, что после его отказа у Е Линя окончательно поехала крыша.

Сам же Е Линь даже не догадывался, что его забота доводит бедного феникса до нервной дрожи. Заметив, что Лингуан, несмотря на всю свою напускную холодность, всё чаще задерживает на нём долгие, растерянные взгляды, Е Линь пришёл к определённым выводам.

[Тот старый лис из рода Юсу дело говорил, — мысленно обратился он к Системе. — «Искренность способна растопить даже лед». Метод действительно работает]

[...]

Окрылённый успехом, Е Линь удвоил старания.

Если Лингуан капризничал и злился — он безропотно сносил все обиды. Если божеству хотелось чего-то вкусного — Е Линь спозаранку мчался на другой конец планеты. Если Лингуан чувствовал себя неважно — Е Линь тут же устранял причину недомогания.

В конце концов Лингуан не выдержал и набрал Сюань Юня по видеосвязи.

— А-Лин? Ты уже вернулся? — Сюань Юнь на том конце провода был поглощён работой.

Перед ним парили сразу семь виртуальных экранов. Одной рукой он подписывал документы, одним глазом сверял отчёты, вторым просматривал счета и лишь изредка скашивал взгляд на экран вызова. Под конец года дел у него накопилось невпроворот, так что о возвращении друга он даже не слышал и теперь искренне удивился.

Лингуану было неловко. Он никогда бы не решился напрямую спросить друга о делах сердечных:

«Что мне делать, если я начинаю таять перед другим мужчиной?»

Обычно, видя такую занятость Сюань Юня, он бы сразу отключился, но сейчас, обнимая принесённый Е Линем тёплый чай с молоком и уткнувшись подбородком в мягкую подушку, он выглядел удручённым.

— Кажется... я веду себя как последний эгоист.

Он вкратце пересказал другу всё, что Е Линь делал в последнее время, а затем упомянул случай на острове:

— Я ведь тогда решил, что он хочет запереть меня, использовать в своих целях... Кто же знал, что всё совсем иначе.

— И что он просто хотел побыть с тобой наедине? — Сюань Юнь оживился. Он наконец отодвинул дела в сторону и с мягкой улыбкой произнёс: — Разве это плохо? Тебе это только на пользу. Да и А-Цин, будь он жив, теперь бы за тебя не беспокоился.

Эти легкомысленные слова заставили Лингуана вспыхнуть. Все его долгие терзания и страхи Сюань Юнь отмёл с такой простотой, что божество заговорило на повышенных тонах, словно пытаясь заглушить собственную неловкость:

— Ну и что с того?! Я же ясно ему сказал: заплачу любые деньги, пусть уходит! Если мало, могу предложить другие блага. Но он упорно не желает убраться, да ещё и... и вообще! Он взрослый мужчина, у него хоть капля гордости есть?!

— Ну, это лишь доказывает, что он без ума от тебя, — Сюань Юнь лукаво прищурился. — Парень верен тебе до глубины души. Кто из твоих прежних ухажёров заходил так далеко?

— Но я-то его не люблю! — Лингуан был на грани взрыва.

Кончики его ушей густо покраснели, губы обиженно сжались, а во взгляде читалось невыносимое смущение.

Тем временем у двери послышался едва уловимый шорох. Е Линь, собиравшийся войти, замер на пороге. Из приоткрытой двери отчётливо донёсся звонкий голос феникса:

— Ты же отлично знаешь, почему я терплю его рядом! Мне нужна только его способность. Он может воссоздать душу А-Цина и вернуть мне мужа. Вот и всё!

— А-Лин, неужели ты и правда его только используешь? — тихо спросил Сюань Юнь с экрана.

— Да, только использую.

— И нет ни капли симпатии?

Лингуан выпалил без малейших колебаний:

— Разумеется! Я люблю только А-Цина. А этого парня я просто использую в своих целях. Как

только мой супруг вернётся, я немедленно прогоню его. Так что прекрати свои глупые попытки нас свести!

Сюань Юнь мысленно покачал головой:

«А-Лин, тебе вовсе не обязательно кричать так громко. Твои пылающие щёки говорят сами за себя»

Он тихо вздохнул, понимая, что гордый феникс пока не готов признаться самому себе, что его сердце дало трещину. Однако упрямство друга вызвало у Сюань Юня лишь тёплую улыбку. Он протянул нараспев, решив поддразнить его:

— Вот как? Что ж, тогда тебе стоит поторопиться с возвращением А-Цина...

Последнее слово оборвалось на полуслове, когда дверь со скрипом распахнулась.

Оба собеседника мгновенно повернули головы к выходу. На пороге стоял Е Линь. Его голова была низко опущена, а упавшая на лоб чёлка скрывала глаза, оставляя на лице мрачную, пугающую тень. На его лице не отражалось ни единой эмоции.

Но исходявшая от него аура — тяжёлая, давящая, пропитанная глухим безумием — ощущалась почти физически. Казалось, граница света и тени разделила комнату на два разных мира, и от застывшей фигуры Е Линя веяло могильным холодом.

Лингуан оцепенел.

Е Линь слышал каждое слово.

<http://bllate.org/book/20308/2181380>